

Александр Михайлович Бельский¹, Анна Викторовна Шурко²

¹канд. социол. наук, доц., руководитель Центра оперативных исследований
Института социологии Национальной академии наук Беларуси

²магистр социол. наук, мл. науч. сотрудник Центра оперативных исследований
Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Alexander Belski¹, Hanna Shurko²

¹Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Center of Operative Research
of the Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus

²Master of Sociological Sciences, Junior Researcher of the Center of Operative Research
of the Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus
e-mail: ¹alexanderbelski@ya.ru; ²annasurko91@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАТЕГИЙ В ОБЛАСТИ МАТРИМОНИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ БЕЛОРУСОВ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЛОНГИТУДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ «ПОКОЛЕНИЯ И ГЕНДЕР»*

Проанализированы результаты двух волн (2017, 2023) лонгитюдного исследования по методологии «Поколения и гендер» в Республике Беларусь. Особое внимание сфокусировано на взаимоотношениях между партнерами в семье, влиянии родительской семьи на поведение в собственных семьях жителей Беларуси, а также трансформации паттернов образа действий респондентов в области интеракции с партнерами/супругами. Определено, что отношения в белорусских семьях изменяются в течение совместной жизни в большинстве случаев в сторону уравнивания количества домашних обязанностей между супругами, стратегия решения конфликтов смещается в сторону уступок, что имеет следствием повышение удовлетворенности супружескими отношениями. Финансовые практики демонстрируют переход к большей автономии партнеров. Влияние родительской семьи на матримониальное поведение респондентов признано незначительным.

Ключевые слова: матримониальное поведение, супруги, взаимодействие, семья, отношения.

Transformation of Strategies in Matrimonial Behaviour of Belarusians Based on the Results of the Longitudinal Study «Generations and Gender»

The article analyses the results of two waves (2017, 2023) of the longitudinal research on the methodology «Generations and Gender» in the Republic of Belarus. Special attention is focused on the relationships between partners in the family, the influence of parental family on the behaviour in their own families of the residents of Belarus, as well as the transformation of respondents' patterns of action in the field of interaction with partners/spouses. It has been determined that relations in Belarusian families change during joint life in most cases in the direction of equalisation of the number of household duties between spouses, change of strategies of conflict resolution in the direction of concessions, which has a consequence of increasing satisfaction with marital relations. Financial practices demonstrate a shift towards greater autonomy of the partners. The influence of the parental family on the matrimonial behaviour of respondents was found to be insignificant.

Key words: matrimonial behavior, spouses, interaction, family, relationships.

**Статья подготовлена на основании научно-исследовательской работы, выполненной в рамках проекта международной технической помощи «Укрепление научного и образовательного потенциала Республики Беларусь в области сбора, анализа и использования демографических данных для достижения Целей устойчивого развития», одобренного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 марта 2021 г. № 141 «Об одобрении проектов международной технической помощи» и зарегистрированного в базе данных проектов и программ международной технической помощи Министерства экономики Республики Беларусь 15 марта 2021 г. (№ 2/21/001130).*

Введение

Исследование трансформации взаимоотношений в современной белорусской семье позволяет выявить существующие тенденции матримониального поведения белорусов.

Изменения стратегий относительно построения семьи и регистрации брака могут быть обусловлены различными причинами и вариативно влиять на социально-демографическую ситуацию в стране.

Изучая особенности взаимодействия между партнерами (распределение обязанностей и доходов, установки на совместную

жизнь, разногласия и способы их регулирования, систему принятия решений [1]) и результат такого взаимодействия (уровень удовлетворенности отношениями с партнером [2] и степень ощущения персонального счастья в целом) сквозь призму влияния на них матримониальной стратегии родительской семьи [3], можно разработать новую или скорректировать действующую систему мер стимулирования семейного благополучия.

Стоит обратить внимание на то, что родители выступают основой первичной социализации детей через их воспитание, в ряде случаев являясь примером определенной стратегии матримониального поведения в будущем.

Неблагоприятная обстановка в родительской семье, конфликты и разногласия могут повлиять на будущий выбор деструктивных стратегий [4–6].

Выявление доминирующих паттернов поведения, реализуемых людьми, выросшими в семьях с различными типами отношений, будет способствовать принятию научно обоснованных программ по оптимизации демографической и социальной политики государства.

Кроме того, напряженные отношения в семье имеют потенциал негативно влиять на ментальное здоровье и психологический комфорт ее членов, а также их физическое состояние в случае реализации выхода негативных эмоций и на преодоление фрустрации в отношениях через насилие [7], что еще раз подчеркивает значимость и актуальность исследования взаимоотношений между партнерами в семье.

Цель статьи – выявить ключевые тенденции трансформации стратегий в области матримониального поведения белорусов с 2017 по 2023 г.

Основная часть

В статье анализируются данные первой (2017 г.) и второй (2023 г.) волн национального обследования «Формирование семьи, стабильных семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов» с использованием методологии международной программы «Поколения и гендер».

Обследование проводилось в рамках проекта международной технической помощи «Укрепление научного и образовательного потенциала Республики Беларусь в области сбора, анализа и использования демографических данных для достижения Целей устойчивого развития».

Можно предположить, что модель партнерских взаимоотношений в родительской семье формирует представления населения о должном и влияет на будущие стратегии уже в их собственных семьях.

Если рассматривать данный вопрос прямолинейно, то можно допустить, что если родители были женаты, то и их ребенок будет стремиться к браку (95,8 % респондентов отметили, что их родители когда-либо были женаты).

Так, разница долей женатых или замужних респондентов, чьи родители состояли и не состояли в браке, – 14,7 %.

Рисунок 1 – Доля респондентов, находящихся в браке, родители которых когда-либо были либо не были женаты (2023 г.), %

Несмотря на кажущуюся логичность выдвинутого выше предположения, статистически данные факторы связи не имеют.

В целом среди респондентов, имеющих партнеров, удовлетворенность отношениями с матерью выше, чем с отцом (средний балл удовлетворенности отношениями с матерью – 8,3, с отцом – 7,7 из 10 баллов),

причем удовлетворенность отношениями с отцом у мужчин выше, чем у женщин (7,9 против 7,5 из 10 баллов).

Стоит отметить, что существует слабая прямая связь между удовлетворенностью собственными отношениями с партнером и отношениями с родителями (с матерью: коэффициент корреляции тау (τ))

Кендалла = 0,191 при уровне значимости $<0,001$; с отцом: коэффициент корреляции тау (τ) Кендалла = 0,174 при уровне значимости $<0,001$). При этом сила связи меняется в зависимости от пола: связь удовлетворен-

ности своими отношениями у мужчин сильнее с отцами, а у женщин – с матерями. Уровень значимости всех корреляций $<0,001$ (таблица 1).

Таблица 1 – Коэффициенты корреляции тау (τ) Кендалла между удовлетворенностью собственными отношениями и отношениями с родителями, в зависимости от гендерной принадлежности респондента (2023 г.)

	Все респонденты, имеющие партнеров	Мужчины	Женщины
Удовлетворенность отношениями с отцом	0,174	0,219	0,128
Удовлетворенность отношениями с матерью	0,191	0,190	0,198

Несмотря на наличие слабой корреляции, стоит отметить, что, вероятно, обе рассматриваемые переменные могут быть зависимы от какого-либо другого фактора.

Что касается количества детей в семьях, то существует прямая очень слабая связь между числом детей в родительской семье респондентов и числом рожденных у них самих детей (коэффициент корреляции Пирсона = 0,125 при уровне значимости $<0,001$), а также с числом чад, которых респонденты намереваются иметь (коэффициент корреляции Пирсона = 0,127 при уровне значимости $<0,001$).

Иначе говоря, статистически значимый процент респондентов, имевших большее количество детей в родительской семье, также указывали и большее количество рожденных или планируемых детей в собственных семьях.

Так как связь между различными факторами, относящимися к собственной и родительской семье, довольно слабая, можно сделать вывод, что родительская семья влияет на будущую семью детей не выраженно, что актуализирует учет более широкого круга агентов социализации.

С 2017 г. доля находившихся в отношениях респондентов и продолжающих состоять в них в 2023 г. составила 82,5 %.

В данной статье анализируются данные респондентов, начавших свое участие в лонгитюдном исследовании в 2017 г. и продолживших его в 2023 г. (к сожалению,

нельзя сказать, тот же это партнер, что и был, однако можно предположить, что существует тенденция на сохранение отношений или поиск новых при разрыве старых).

За 6 лет 8,8 % респондентов вступили в отношения, а 8,7 % вышли из них.

Абсолютное большинство опрошенных (91,3 %) остались в браке (или были в браке на момент проведения первой волны исследования, расстались и снова заключили брак ко второй волне исследования), 2,6 % опрошенных, которые не состояли в браке, вступили в него, а 6,1 % развелись и больше в брак не вступали.

Рассматривая вопрос разногласий, можно отметить, что количество некоторых из них остается у пар стабильным спустя годы, а у других меняется.

Так, 74,2 % респондентов не изменили своего мнения относительно количества разногласий по поводу рождения ребенка, 56,8 % – из-за отношений с родителями, 50,6 % – из-за отношений с друзьями, 45,6 % – из-за организации досуга, 44,2 % – из-за воспитания детей, 44,1 % – из-за денег, 40,5 % – из-за работы по дому.

В 2023 г. респонденты чаще отмечали меньшее количество разногласий по всем поводам (рисунок 2).

В целом можно отметить, что доля респондентов, количество разногласий в семьях которых снизилось, больше, чем доля опрошенных, у которых увеличилось.

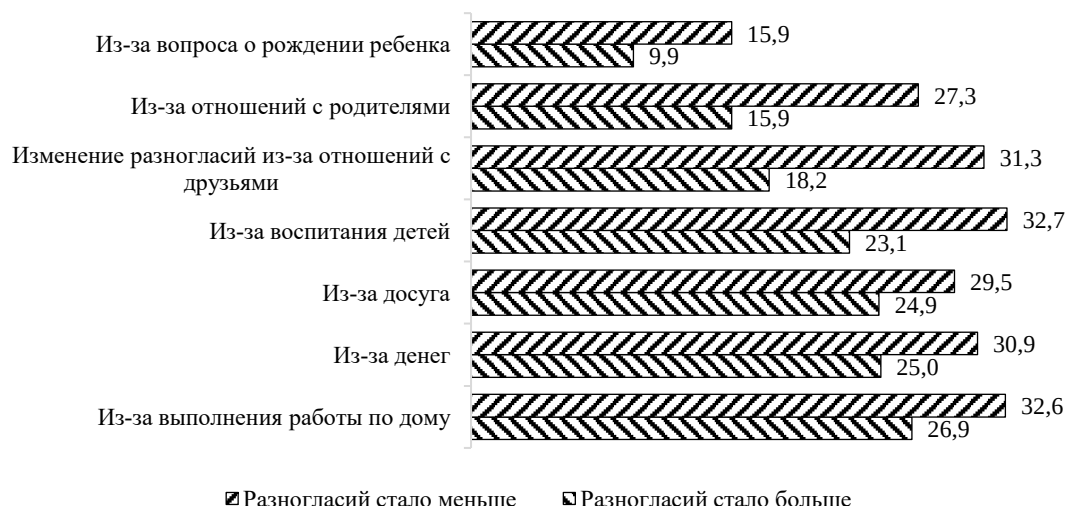

Рисунок 2 – Доля разногласий из-за различных причин по увеличению и снижению их наличия (с 2017 по 2023 г.), %

С течением времени респонденты стали чаще указывать, что используют уступки в качестве способа разрешения конфликтов (на 36,5 %), что может быть связано с возрастом и увеличением стажа отношений (по данным исследования 2023 г. доля респондентов увеличением возраста и стажа отношений, выбравших этот вариант ответа, растет). В 2023 г. доля респондентов, выбравших чаще спокойное обсуждение вопроса, стала меньше на 38,5 %, а 28,9 % продолжили прибегать к нему с той же частотой, тогда как 32,6 % даже чаще. Снизилась частота таких способов разрешения разно-

гласий, как оживленный спор и крик (в 35,9 % случаях), отказ об этом говорить (32,7 %). Таким образом, отношения части респондентов имеют тенденцию к прекращению партнерами попыток поговорить о проблеме с предпочтением уступок, однако можно отметить своеобразную циркуляцию способов разрешения разногласий, т. к. только около трети из них остаются на том же уровне, что может говорить о динамичности партнерских отношений, поиске оптимального для конкретной пары решения конфликтной ситуации (рисунок 3).

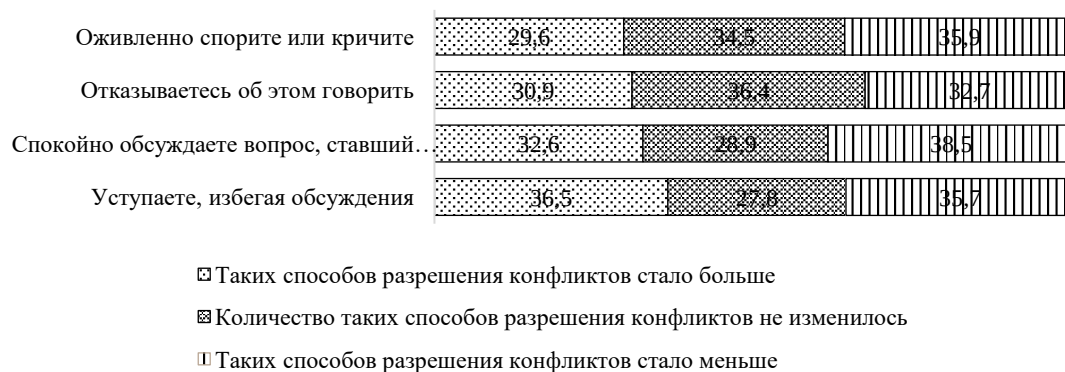

Рисунок 3 – Изменение доли различных способов решения разногласий по их увеличению и снижению (с 2017 по 2023 г.), %

По степени удовлетворенности отношениями с партнером респонденты разделились на три примерно равные группы: 32,5 % опрошенных поставили в 2023 г. более высокую оценку по данному показателю, чем в 2017 г.: 33,9 % – ту же, а 33,7 % – более

низкую. У большинства партнеров (88,2 %) не изменилась частота мыслей о разрыве отношений, при этом 5,6 % перестали об этом думать; у 6,2 % такие мысли, наоборот, появились (рисунок 4).

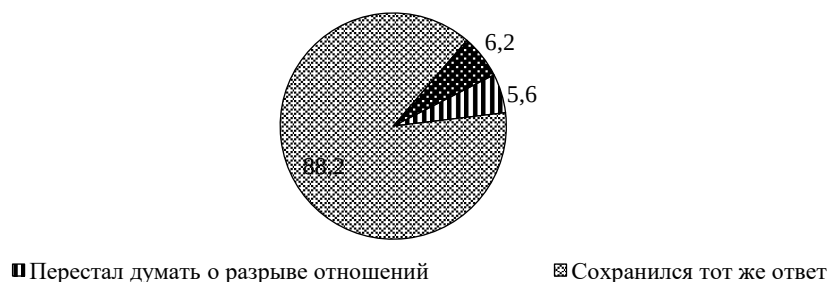

Рисунок 4 – Изменение доли мыслей о разрыве отношений (с 2017 по 2023 г.), %

Самым стабильным видом домашней занятости оказалась организация совместного досуга (не изменилась вовлеченность партнеров или супругов в данный тип деятельности в 60,2 % случаев). Интересно, что во многих видах деятельности (ежедневное приготовление еды, уборка дома пылесосом, стирка, оплата счетов) вовлеченность женщин снизилась, в то время как вовлеченность мужчин увеличилась (таблица 2). Это может говорить о реорганизации домаш-

них обязанностей и увеличении общей занятости мужчин в выполнении домашних обязанностей. К тому же удовлетворенность распределением домашних обязанностей с 2017 по 2023 г. в 98,6 % увеличилась, что может свидетельствовать о том, что во время существования отношений партнеры приходят к оптимальному распределению работы (в т. ч. ослаблению гендерной привязки к нему).

Таблица 2 – Распределение изменения вовлеченности в различные виды домашних работ в зависимости от гендерной принадлежности респондента, % (с 2017 по 2023 г.)

	Всего	Мужской	Женский
Ежедневное приготовление еды			
Стал меньше вовлечен	33,3	25,4	39,4
Не изменилось	37,2	36,7	37,6
Стал больше вовлечен	29,5	38,0	22,9
Уборка дома пылесосом			
Стал меньше вовлечен	36,1	32,1	39,2
Не изменилось	30,8	30,9	30,7
Стал больше вовлечен	33,1	37,0	30,1
Стирка			
Стал меньше вовлечен	29,9	23,1	35,1
Не изменилось	37,5	36,6	38,1
Стал больше вовлечен	32,7	40,3	26,8
Мелкий ремонт по дому			
Стал меньше вовлечен	29,0	34,5	24,7
Не изменилось	41,3	42,2	40,6
Стал больше вовлечен	29,7	23,3	34,7
Оплата счетов			
Стал меньше вовлечен	34,2	27,6	39,4
Не изменилось	29,7	29,1	30,2
Стал больше вовлечен	36,1	43,3	30,4
Организация совместного досуга			
Стал меньше вовлечен	19,4	20,0	19,0
Не изменилось	60,2	59,3	60,8
Стал больше вовлечен	20,4	20,7	20,2

Многие респонденты в 2023 г. отметили меньшую вовлеченность в различные виды деятельности по уходу за ребенком, чем в 2017 г. (что, вероятно, связано со

взрослением детей за 6 лет, т. е. им больше не требуется такой предметный уход). Так, в 39,9 % ответов снизилась частота помощи в одевании ребенка (в 33,5 % случаях ответ

не изменился, в 26,7 % демонстрируется бóльшая вовлеченность), в 39,1 % – помощи с домашним заданием (в 30,4 % случаях ответ не изменился, в 30,5 % демонстрируется бóльшая вовлеченность), в 54,8 % – укладывание спать (в 28,5 % случаях ответ не изменился, в 16,7 % демонстрируется бóльшая вовлеченность). В основном не изменилась вовлеченность в игры с детьми (58,4 %), но увеличилась в случае заботы о детях дома во время их болезни (39,9 %). При этом значимой разницы в изменениях уровня вовлеченности между мужчинами и женщинами нет.

В отличие от разграничения выполняемых домашних обязанностей удовлетворенность распределением работы по уходу за ребенком, наоборот, в значительной части случаев, снизилась (бóльшая в 2023 г., чем в 2017 г., отметили 28,9 %, меньшую – 41,2 %, а оставшуюся на том же уровне – 29,9 %). Это также может косвенно свидетельствовать о том, что повзрослевшие дети иначе взаимодействуют с родителями, причем родители не всегда готовы к новым для себя стратегиям коммуникации (рисунок 5).

Рисунок 5 – Изменение доли мыслей о разрыве отношений (с 2017 по 2023 г.), %

Что же касается принятия решений, то, относительно более дорогих покупок в 64,1 % случаев их структура осталась прежней (18,2 % респондентов стали менее вовлечены в данный процесс, 17,7 % – более), относительно обычных покупок для дома также наблюдается некоторая стабильность у 45,0 % опрошенных (в 26,9 % случаев респонденты стали менее вовлечены в данный процесс, в 28,1 % – более). Изменения относительно принятий решений о времени,

затрачиваемом респондентом и его партнером на оплачиваемую работу, направлены в основном в сторону личной ответственности за себя (в принятие решений о своем времени стали больше вовлечены 39,8 % респондентов, а о времени, затрачиваемом партнером, меньше вовлечены 36 % (рисунок 6). По данным аспектам не наблюдается ярких гендерных различий.

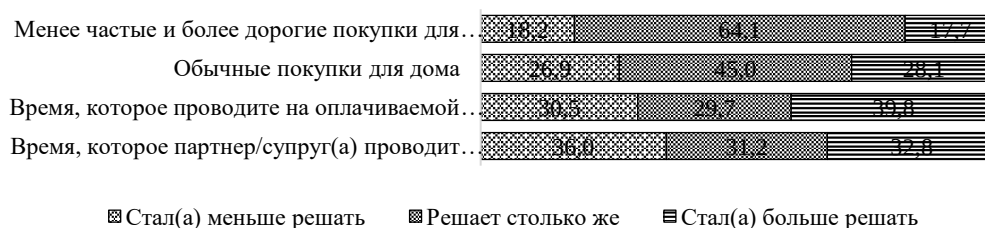

Рисунок 6 – Изменение доли решений, которые принимают партнеры (с 2017 по 2023 г.), %

В распоряжении доходами зафиксированы изменения в 54,2 % случаев, а расходами – в 72,9 %. Можно заметить, что с 2017 г. снизилась доля партнеров, имеющих общие деньги (с 63,1 до 55,9 %), и увеличилась доля тех, кто предпочитает позволить каждому из пары самостоятельно распоряжаться своими деньгами (с 4,8 до 10,1 %).

Что касается расходов, то с 2017 г. снизилась доля респондентов, оплачивающих все приблизительно в равных долях (с 33,5 до 28,4 %), и увеличилась доля тех, кто платит в зависимости от личного дохода (с 14,2 до 17,3 %).

У 42,2 % респондентов, которые высказывали свое намерение в течение следу-

ющих трех лет завести детей, появился ребенок (в пятилетний срок – до 2023 г.), что может свидетельствовать о том, что какие-либо причины (проблемы со здоровьем, конфликты с партнерами, недостаток денег, возможно, глобальные мировые вызовы (например, COVID-19) и т. д.), помешали значительной части населения, настроенного на рождение ребенка, осуществить этот план. Также родились дети у 12,3 % указавших, то, что они не планируют детей до 2020–2021-х и у 24,5 % тех, кто не был уверен в своих намерениях.

Таким образом, отношения в белорусских семьях имеют определенную динамику, а не застывают во времени, распространяя на всю последующую жизнь изначальные установки. Можно отметить, что значимая часть респондентов в конце концов приходит к тому, что для разрешения разногласий необходимо уступить, в то же время само количество разногласий по различным темам снижается. Происходит перераспределение домашних обязанностей, в результате которого в них оказываются более вовлечены мужчины, в то время как женщины начинают чаще заниматься мелким ремонтом, что, в свою очередь, приводит к нахождению паритета и росту удовлетворенности данным распределением. Уход за детьми в большей степени зависит от их возраста, поэтому трудно сказать, как в действительности связана удовлетворенность этим распределением и его структура. В финансовой сфере также происходят изменения, однако не такие выраженные.

Заключение

Ключевые трансформации взаимоотношений партнеров в современной белорусской семье зафиксированы по направлению роста равноправия в распределении ролей (традиционное разделение на «мужские» и «женские» обязанности в отношении быта и воспитания детей, распределения дохода постепенно смещаются в направлении выравнивания участия мужчины и женщины во всех видах работ, причем женщина постепенно освобождается от т. н. «второй занятости», т. е. концентрация сугубо на ней множества бытовых функций смещается, что позитивно сказывается на удовлетворенности распределением обязанностей и отношениями в целом); увеличения эмоциональ-

ной близости и формата открытой коммуникации (партнеры воспринимают свою вторую половину наиболее близким для себя человеком, способным помочь в разрешении наиболее значимых противоречий, причем возникающие конфликты купируются через продуктивную и функциональную коммуникацию, где партнеры (при необходимости) могут пойти на уступки, т. е. конфликт перестает быть фатальным для отношений событием, становясь, скорее, возможностью их развития через снятие противоречий); преваляирования духовных аспектов над материальными (существующие социально-экономические условия позволяют достичь определенного необходимого финансового благополучия, что трансформировало иерархию приоритетности причин, по которым пары могут отказываться от вступления в отношения и деторождения, где ведущие позиции стала занимать не материальная обеспеченность, а уверенность в партнере, желание первоначально осуществить профессиональную самореализацию и самоактуализироваться в целом, что позволит в перспективе выстроить функциональный союз); роста индивидуализации и здоровой автономии (партнеры стремятся к наличию достаточного для собственного комфортного проживания в союзе и реализации намерений по деторождению жилищного пространства, принимают самостоятельные решения по организации и направленности своей профессиональной самореализации и финансовых трат).

Несмотря на то, что вышеописанное в целом способствует большей гармонии и удовлетворенности в отношениях, имеются и дисфункциональные союзы, где ключевые противоречия отношений основаны именно на распределении обязанностей партнеров, порождающем конфликты по этому поводу, приводящие к росту неудовлетворенности взаимоотношениями и провоцирующие мысли о том, чтобы их прекратить. Ключевой проблемой таких взаимоотношений является непродуктивная коммуникация, использование неэффективных способов разрешения споров, что обрекает союзы на распад.

Важность имеет реализация диалоговых площадок по открытому обсуждению своего родительского опыта, опыта построения взаимоотношений, где модератор помогает осмыслить его и получить новый.

Жизненный опыт разнообразен, как и пути разрешения противоречий. Он обсуждаем и формирует траектории преодоления кризисных явлений. Такие диалоги позволяют избавиться от стереотипов и формируют уверенность в том, что разного рода ситуации возникают в каждом отношении,

но все из них могут быть гармонично разрешены. Погруженность в информационное пространство сети Интернет зачастую наполняет сознание мифологемами, которые прочно в нем укореняются. Разбор реальных кейсов позволяет избавиться от стереотипов и поверить в себя и свои силы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. McKie, L. Starting well: Gender, care and health in the family context / L. McKie, S. Bowlby, S. Gregory / *Sociology*. – 2004. – Vol. 38, nr 3. – P. 593–611.
2. Баландина, Л. Л. Удовлетворенность браком в системе родительско-детских и супружеских отношений / Л. Л. Баландина // *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1, Психологические и педагогические науки*. – 2014. – № 1. – С. 125–136.
3. Безрукова О. Н. Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ / О. Н. Безрукова // *Социологические исследования*. – 2014. – №. 9. – С. 85–97.
4. Гасанова, Б. М. Влияние гендера на брачно-семейный конфликт / Б. М. Гасанова, А. М. Муталимова, Д. М. Даудова // *International Journal of Medicine and Psychology*. – 2019. – Vol. 2, nr 4. – P. 207–212.
5. Ali, P. A. Spousal role expectations and marital conflict: perspectives of men and women / P. A. Ali, J. McGarry, A. Maqsood // *Journal of interpersonal violence*. – 2022. – Vol. 37. – P. 27.
6. Pathan, Z. A. Adversities of marital conflict: A sociological analysis / Z. A. Pathan // *Journal of Humanities and Social Science*. – 2015. – Vol. 20, nr 2. – P. 19–25.
7. Лагойда, Н. Г. Проблема стабильности брака и роста числа разводов в современном обществе / Н. Г. Лагойда // *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*. – 2017. – № 2. – С. 86–96.

REFERENCES

1. McKie, L. Starting well: Gender, care and health in the family context / L. McKie, S. Bowlby, S. Gregory / *Sociology*. – 2004. – Vol. 38, nr 3. – P. 593–611.
2. Balandina, L. L. Udovletvorennost' brakom v sisteme roditel'sko-detskikh i supruzheskikh otnoshenii / L. L. Balandina // *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1, Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki*. – 2014. – № 1. – S. 125–136.
3. Bezrukova O. N. Modeli roditel'stva i roditel'skij potentsial: mezhpokolennyi analiz / O. N. Bezrukova // *Sotsiologicheskie issledovaniya*. – 2014. – №. 9. – S. 85–97.
4. Gasanova, B. M. Vliyanie genдера na brachno-semeinyi konflikt / B. M. Gasanova, A. M. Mutalimova, D. M. Daudova // *International Journal of Medicine and Psychology*. – 2019. – Vol. 2, nr 4. – P. 207–212.
5. Ali, P. A. Spousal role expectations and marital conflict: perspectives of men and women / P. A. Ali, J. McGarry, A. Maqsood // *Journal of interpersonal violence*. – 2022. – Vol. 37. – P. 27.
6. Pathan, Z. A. Adversities of marital conflict: A sociological analysis / Z. A. Pathan // *Journal of Humanities and Social Science*. – 2015. – Vol. 20, nr 2. – P. 19–25.
7. Lagoida, N. G. Problema stabil'nosti braka i rosta chisla razvodov v sovremennom obshchestve / N. G. Lagoida // *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya*. – 2017. – № 2. – S. 86–96.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 31.10.2025